
СПЕЦИФИКА СИНТАКТИКИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Е.Ю. Муратова

Кафедра общего и русского языкознания
Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
Московский пр., 33, Витебск, Республика Беларусь, 210036

В статье исследуется особенность синтактики знака в поэтическом тексте. Доказывается, что возникновение нового смысла на более высоком уровне абстракции наблюдается в поэтическом языке при нестандартной сочетаемости лексических единиц, которые могут представлять собой любые знаменательные части речи. Наиболее активно такая сочетаемость в поэзии проявляется в трех разновидностях: при сочетании глагола с существительным, прилагательного или причастия с существительным, при сочетании существительных. На материале поэтических текстов М. Цветаевой, Б. Ахмадулиной, Б. Пастернака, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Н. Заболоцкого выявляются основные, наиболее частотные типы нестандартных сочетаний лексем в поэтическом тексте.

Ключевые слова: синтагматические отношения, тип сочетаемости, неузальная сочетаемость, идиостиль, дополнение.

Для того чтобы определить, в чем же именно состоит особенность синтактики знака в поэтическом языке, т.е. специфика межсловных связей, порождающая новые смыслы поэтического текста, необходимо обратиться к этому же явлению в естественном языке.

Вопрос о том, как связаны между собой таких два аспекта слова, как его денотативно-сигнификативное значение и его синтаксическая дистрибуция (т.е. морфосинтаксическая сочетаемость), решается достаточно давно. В настоящее время превалирует точка зрения, которую И.М. Кобозева сформулировала так: «Сравнивая ранние попытки вывести парадигматические семантические характеристики лексем из синтагматических с позднейшими попытками объяснить синтагматические свойства лексем ее парадигматическими семантическими свойствами, можно сказать, что и те и другие базируются на объективно существующей связи лексико-семантической парадигматики с синтагматикой. Вместе с тем указанные аспекты слова обладают достаточной степенью автономности, что не позволяет ни вывести семантику лексем из ее синтактики, ни полностью объяснить ее синтактику, исходя из семантики» [1. С. 154—155]. Другими словами, в самом общем понимании сочетаемость слова в естественном языке — это информация о заданных языковой системой требованиях, которые оно предъявляет к другому слову, синтаксически с ним связанному.

В поэтическом тексте синтагматические отношения имеют иной характер. «Положение знака в системе поэтического текста, — писал Я. Славинский, — определяет другой знак, обоснованием значения служит другое значение, а не внеязыковая ситуация. Обесценение „мира“ как контекста для знака увеличивает роль языкового контекста» [2. С. 266.].

Г.О. Винокур пишет: «Не требует подробного объяснения тот факт, что вполне доступна и очень привлекательна для новатора языка также область син-

таксиса. Здесь снова создаются не новые материалы, а только новые отношения, так как вся синтаксическая сторона речи представляет собой не что иное, как известное соединение грамматических форм, и в этом смысле существенно не материальна» [3. С. 328].

В поэзии XX в. встречаются все типы сочетаемости: морфо-синтаксическая, лексическая, семантическая. Возникновение нового смысла на более высоком уровне абстракции наблюдается в поэтическом языке при нелинейной сочетаемости лексических единиц, которые могут представлять собой любые знаменательные части речи. Особенно ярко такая сочетаемость в поэзии проявляется в трех основных разновидностях: при сочетании глагола с существительным; прилагательного или причастия с существительным; сочетании существительных.

Использование трансмерных связей лексем как источника порождения глубинных смыслов находим в творчестве многих поэтов:

Б. Ахмадулина

1. Какой мне вымысел надышишь?
2. Я беспечна и ем ненаглядность.
3. Зима отслужила безумье каникул своих...
4. Фиалки прожила и проводила в старость/уменье медуниц изображать закат.

Б. Пастернак

1. Как детский поцелуй, спокойно дышит стих.
2. Тревога подула с грядущего, / Как с юга дует сирокко.
3. Любила снег ласкать пальба.
4. Затеплен Апрель. Возмужалостью тянет из парка.
5. Встает в колонны рев скота.

Н. Заболоцкий

1. Обводный царствует канал.
2. И по трамваям рай качается...
3. Скупое утро горы спеленало...
4. Время в воздухе плывет.

Е. Евтушенко

1. Иногда мне так хочется / спрятаться в детство.
2. Я так люблю вплывать глазами / в твое лицо.
3. Есть в мире такой городок — Чусовой, / где рядом все чудится мне часовой / на лагерной вышке, пустующей там, / где, может, в бессмертие вмерз Мандельштам.

Наиболее активно нестандартная сочетаемость проявляется на уровне управления, в первую очередь приглагольного. Например, в творчестве М.И. Цветаевой нестандартность проявляется в том, что поэт использует лексемы с дополнением, которые в узуальном употреблении никакого дополнения не требуют и не имеют. Для Цветаевой же они — «несамодостаточные», она их «пополняет», углубляет окказиональным дополнением:

И слезами растаяла льдина...; Он тонок первой тонкостью ветвей; Моим весельем был бы весел, / Моим весельем был бы молод; застыла взглядом; сиял снежинками; Всея бессонницей я тебя люблю, / Всея бессонницей я тебе внемлю; Днепром размывавая лед / Русь — Пасхою к тебе плывет; Не краснеть удушливой волной; Спасибо Вам и сердцем и рукой...

Процесс смыслопорождения, наблюдаемый в подобных контекстах, актуализируется в первую очередь за счет собственно дополнения, которое использует поэт:

1. Зубочистками кончаются наши романы / С гастрономами.
2. Шорохами опояшусь, / Шелестами опушусь.
3. Ты в глаза мне вбрызнул смех, / Ты мазурку мне вбрызнул в жилы.
4. Днепром разламывая лед / Русь — Пасхою к тебе плывет.
5. Не устанем / Мы — доколе страсть есть! / Мстить мостами.

Везде в данных строках наблюдается диффузное наложение разных семантических фракталей, которое осуществляется следующими языковыми средствами: при фазисном глаголе *кончатся* и психическом *мстить* появляются не пропозитивные, а предметные дополнения — *зубочистками, мостами*; при глаголах физического действия *опоясать, опушить, вбрызнуть, разламывать* — непредметные существительные. Как тонко заметила Н.Д. Арутюнова [4], конкретное дополнение при глаголе психического действия прочитывается как свернутая пропозиция, а пропозитивное существительное при конкретном глаголе ведет к дематериализации глагола. В нашем конкретном случае: *мстить мостами* — мстить тем, что *кто-то* (чаще — родной и близкий человек) бросится с моста; *вбрызнуть смех, мазурку* — наполнить радостью и счастьем.

При анализе поэтических текстов выявляются основные, наиболее частотные типы нестандартной сочетаемости лексем, в результате чего проявляются глубинные, имплицитные смыслы в поэтическом тексте. Во-первых, это связь непредметного существительного в функции подлежащего с глаголами физического действия, состояния, движения, манеры поведения и др.: *сгущалась засуха; нас наблюдала необъятность; дрема пьет остаток ночи; едва очнется небосвод*; во-вторых, связь предметного существительного с глаголом психического действия: *дом ринулся ко мне; дом ринулся ко мне; еще моя черемуха не смерклась; бесчинствует мой почерк и срамится*; в-третьих, связь непредметного существительного в функции обстоятельства с глаголом движения (реже — с глаголами другого значения): *явиться ... в чистый север сада; я окунала в воздух перья; меня заманивали в глубь / чужих печалей, свадеб, вздоров* (Б. Ахмадулина).

Естественно, далеко не все нелинейные семантические связи «укладываются» в определенные группы и виды либо из-за своей единичности, либо из-за незначительности трансформации семантической валентности лексем.

Специфическое сближение лексем может быть случайным, т.е. характеризовать некоторый конкретный текст, а может быть регулярным, характеризующим идиостиль отдельного поэта или какое-то литературное направление.

Например, неузואльные синтагматические связи глагола с существительным являются яркой приметой идиостиля А. Вознесенского:

1. ...мы люди, / мы тоже порожни, / уходим мы, / так уж положено, из стен, матерей / и из женщин, / и этот порядок извечен...
2. ухватясь за свои телеграммы, / покосившись, столбы летят.
3. В нас, как муравьи в банке, / напиханно шевелятся тысячелетия, / у меня в пятке щекочет Людовик XIV.
4. Он жмет по окружной, как на пожар, / как я в его невзгоды приезжал.

5. Зайдет вражда. Я выгоню вражду — / я друга жду.
6. Спускаюсь в чей-то быт...

Такой тип сочетаемости может играть структурообразующую роль в поэтическом произведении. Так, в стихотворении А. Вознесенского «Неба бы...» противопоставление формы и содержания до предела обостряет смысл, который хочет передать поэт:

В магазин зашел: «Алло! / Дайте неба полкило»... / Продавщица ответила: «Сочувствую. / Вместо хлеба нам насущного / отпустить могу вам смога. / Но немного» / ...Человек ушел без неба / в безнебесные места. / У моста слепые требуют: / «Подайте неба, ради Христа».

В данных строках выявляются две основные фракталы: «реальная жизнь», представленная лексемами *полкило, смог, магазин, алло* и «духовная жизнь» — *небо, хлеб насущный, Христос*. В молитве «Отче наш» *хлеб насущный* имеет значение *хлеб небесный*, т.е. духовная пища, и лишь вторично выражает земное — еду человека. Нестандартная сочетаемость почти всех лексем создает насыщенную зону смыслопорождения. От лексемы к лексеме усиливается процесс семантической актуализации, в результате которого проявляются следующие смыслы: 1) в реальной жизни (*магазин*) у лирического героя огромная потребность в духовности (*дайте неба*); 2) лексемы *дайте* и *полкило* рождают сомнение в истинности такой потребности, поскольку духовность не дают, тем более по «полкило», ее нужно выстрадать; 3) непонимание окружающих (*продавщица*), определенное сочувствие без понимания: предлагается *смог* — грязный, но все-таки воздух, в каком-то смысле — часть *неба* (но в данном контексте может быть и иной смысл: *смог* — не небо, а наоборот, грязь, суэта, земное); 4) опустошенность души — *безнебесные места*; 5) он не одинок в своей потребности иной духовной жизни — *слепые требуют*; 6) почему *слепые*? Потому что тоже живут в *безнебесном* пространстве. Все стихотворение выражает противопоставление: свет, воздух — мрак, удушье; небесное — земное; духовность — бездуховность. В конечном итоге через все отдельные возникающие смыслы «мерцает» трансцендентное содержание одиночества человека в мире, неизбывной человеческой потребности в духовности, самосовершенствовании, в поиске пути к высшей силе в себе и в мире.

Необходимо отметить еще одну особенность появления новых смыслов в поэтическом произведении, когда абсолютно стандартные, даже заштампованные в естественном языке словосочетания обретают новый смысл в поэтическом тексте. В этом отношении весьма показательно творчество М. Цветаевой, которая любой, самый заурядный предмет быта может «перевести» в художественную и даже философскую плоскость. Например, лексема *стол* в идиостиле поэта — это *письменный вьючный мул, строжайшее из зеркал, заживо смертный тес; стол, твердивший, что каждой строчки / сегодня — последний срок; стол, к которому обращаются так: Так будь же благословен — / Лбом, локтем, узлом колен. / Испытанный, — как пила / в грудь вьевшийся — край стола!* В таком контексте стандартные сочетания *письменный стол, обеденный стол* становятся фактически символами определенного образа жизни, проявлением мировоззрения поэта: *Вас*

положат — на обеденный, / *А меня* — на письменный. Стандартная фракталь «мебель» изменилась на философскую фракталь «смысл жизни», и уже в ней самоорганизуются разнообразные диссипативные структуры с лексемой *стол* и соответствующим набором новых глубинных смыслов.

Анализ неузуальных сочетаний лексем показывает, что их объединение в поэтическом тексте не выливается в простую комбинацию лексических значений данных слов. Данные сочетания репрезентируются в сознании как сложные концептуально-когнитивные структуры: каждое такое сочетание не только рождает новый художественный смысл, но и вбирает в себя одновременно и органично все логические противопоставления, часто несовместимые с точки зрения обыденного сознания с реальной жизнью. Таким образом, в нестандартных сочетаниях ярко проявляются сложные семантические процессы, в результате которых происходит самоорганизация новых глубинных смыслов поэтического текста.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Кобозева И.М.* Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // *Язык о языке* / Под ред. Н.Д. Арутюновой. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 303—359. [*Kobozeva I.M.* Dve ipostasi sodержaniya rechi: znachenie i smysl // *Yazyk o yazyke* / Pod red. N.D. Arutyunovoj. — М.: Yazyki russoj kultury, 2000. — S. 303—359.]
- [2] *Славинский Я.* К теории поэтического языка // Структурализм: «за» и «против»: Сб. ст. / Под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. — М.: Прогресс, 1975. — С. 256—276. [*Slavinskij Ya.* K teorii poeticheskogo yazyka // *Strukturalizm: «za» i «protiv»*: Sb. st. / Pod red. E.Ya. Basina, M.Ya. Polyakova. — М.: Progress, 1975. — S. 256—276.]
- [3] *Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. — М.: Высшая школа, 1991. [*Vinokur G.O.* O yazyke khudozhestvennoj literatury. — М.: Vysshaya shkola, 1991.]
- [4] *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. — М.: Наука, 1976. [*Arutyunova N.D.* Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy. — М.: Nauka, 1976.]

THE SPECIFIC OF SYNTACTICS OF A LINGUISTIC SIGN IN A POETIC TEXT

H.Y. Muratova

The Chair of General and Russian Linguistics
P.M. Masherov's Vitebsk State University
33 *Moskovski Avenue, 210036, Vitebsk, Belarus*

The paper investigates the specific syntactics of a sign in a poetic text. The author argues that a new meaning at a higher level of abstraction observed in a poetic language arises with the help of compatibility of non-standard lexical items, which can be any of the main parts of speech. But the most active are three types of the compatibility: the combination of a verb with a noun, an adjective or a participle with a noun, combination of nouns. On the material of poetic texts by M. Tsvetaeva, B. Akhmadullina, B. Pasternak, A. Voznesensky, Ye. Yevtushenko, N. Zabolotsky the author identifies main, the most frequent types of non-standard combinations of lexemes in the poetic text.

Key words: syntagmatic relations, the type of compatibility, non-standard compatibility, idiostyle, addition.